

«СОБРАТЬСЯ ВОКРУГ ЯЗЫКА»

(Отклик на книгу «С благодарностью – Ваш В. Курбатов. – Тобольск: Изд. Отд. Общ. Благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2023. – 152 с.; ил. Редактор-составитель Ю.П. Перминов)

Эти три слова, собранные Валентином Яковлевичем Курбатовым вместе и вынесенные мною в название отклика, стремятся объединить всех нас, людей России. Они примеряют нас с сумерками и непогодой, ибо в них угадывается образ пылающего костра человеческого, помогающего жить, обнимающего теплом и светом, споспешествующего душевному разговору, в котором, может быть, рождается истина. Или просто помогающего коротать трудное, ненастное время. Стоит взглянуть в умное пламя книги дружеских посланий выдающегося литературного критика, проникающего в потаённые глубины русского Слова и задуматься: перед нами воистину «душеполезное» чтение. «Огонь пришёл Я низвести на землю, – говорит Спаситель, – и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12, 49). «Огонь» – это метафора любви, именно она механического человека преобразует в живое, одушевлённое существо.

Письма последних двенадцати лет подвижнической жизни этого человека адресованы его другу Аркадию Григорьевичу Елфимову, председателю президиума благотворительного фонда «Возрождение Тобольска»; статьи и отзывы самого Курбатова второй части книги – широкому кругу читателей, а вместе, письма и статьи, – Вечности.

Личные послания другу охватывают последний период жизни автора – с 2008 по 2022 год и читаются на одном дыхании с чувством неизбежного восторга, словно всё в них сказанное видится сквозь волшебное стекло души. Это особый исповедальный жанр русской прозы, ныне опять возрождающийся, совершенно свободный в доверительном выражении своих мыслей и чувств. Письма Валентина Курбатова сильны не только откровенной открытостью, но и страстным неподдельным желанием помочь другу, своему адресату, в его тяжелейшем деле держаться доброго пути. С каким наслаждением он произносит русское слово «благотворительность», как восхищается тем, кто «благо творит», освобождая «благое» от скорлупы затвердевшего смысла, возвращая первоначальную свежесть! Сколько же было нежной лукавинки у Валентина Курбатова, что и в строках и между строк его она переливается в письмах, согревает читающего их, окутывает по-отцовски, успокаивает, а порой и веселит, что так необходимо в нашей жизни. Верись искреннему его слову, вольному, такому естественному, подчас просто доверительно разговорному. А порой в них возникает неизбежный драматизм. С болью, надеждой и радостью читаются его последние письма. Постепенно приходит осознание, что Курбатов был не только прекрасным литератором, но и вдумчивым мыслителем, обозначившим болевые точки нашего времени.

Уже в первом письме есть смелое философское понятие, выстраданное всей предыдущей жизнью, характеризующее действительность как «развал-

схождение», требующее от человека усилий, чтобы «привести в порядок... разваливающийся механизм». Это понятие вскрывает глубоко диалектическое единство, пронизывающее всю материю, всё живое и неживое, всю духовность человечества. Курбатов сразу увидел в деятельности благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» то созидающее, собирающее начало, когда в строго продуманном книжном развале обнаруживается сила «схождения» и оздоровления России. Эта сила в читательском доверии к слову-огню, разгорающемуся чистой любовью к Родине. Надо сказать, что книга эта сама чётко организована, хорошо структурирована, удачно проиллюстрирована, снабжена необходимыми комментариями, что является несомненной заслугой её составителя Юрия Перминова. Всё это придаёт данному изданию полифоническое звучание, достойное её содержания.

Вчитываюсь в письма и удивляюсь их весёлой искренности и художественной лёгкости стиля Курбатова. В любом возрасте нас радуют новогодние подарки. И как же велико было восхищение Валентина Яковлевича, как эмоционально он передал своё ощущение от первой книжной посылки из Тобольска: «насилу донёс», захотелось «петь на морозе!» И далее с мальчишеской энергией: «Тут надо делать что-то соответственное неожиданности подарка. Тут даже выжить из ума не грех!» И в самом конце: «Восьмикилограммовое спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич!». Думается, что чувство взаимной привязанности, стремление порадовать друга способно не только продлить жизнь, но и сделать её ярче, теплее. По крайней мере, страстное желание помочь «Фонду высокого государственного духа» переплелось у Курбатова с искренне-нежным желанием поддержать друга в его нелёгком деле, а порой утешить и ободрить. Вдохновлённый художественными фотографиями А.Г. Елфимова, открывшего жемчужную красоту Тобольска и широту всего Зауралья, Курбатов в мыслях своих устремился в Сибирь, туда, где всё другое – и такое родное, где сибиряками творятся великие дела. Он восклицал: «Просится душа «домой» – в Тобольск». И тут же, словно опомнившись, оставляет философское наблюдение: «Красота не всегда спасение, иногда она – усыпление». Но не в его случае, восторг продолжает переполнять его душу. Вот он всматривается в музейные лица сибиряков восемнадцатого столетия и у него вырывается поэтическое восхищение: «Господи, неужели это мы были так чисты и свободны, так смелы перед миром, так гордо послушны Богу?» И вновь его потянуло в чудо Сибири: «А вот как накоплю здоровья, ка-а-ак рвану в Тобольск!». 3 февраля 2009 года Валентин Курбатов посадил липу в историко-ландшафтном парке «Ермаково поле» и задорно прокатился по Иртышу на снегоходе, что запечатлено в книге на замечательных фотографиях из архива А.Г. Елфимова, документально украшающих страницы этого издания. Это было лишь однажды, но на всю жизнь. Ему так и хотелось по-молодому, в Сибирь, к другу: «Летел бы к вам, толкая прохожих!»

И снова письма из Пскова, где жил Курбатов, подальше от столицы, поближе к Русскому Северу. Получив из Тобольска очередную посылку с книгами, изданными Фондом, в письме от 22.03.2013 года он с неожиданной горечью

замечает: «Нет ещё у нас языка для Ваших книг. Старые мерки не годятся, а новых не нажили. Тут нужен именно новый сибирский язык». И далее Курбатов размышляет о том, что многотомные фолианты, видимо, опережают наше время, что без поддержки властей вряд ли вызреют те деятели, кто Словом увлечёт народ к истинному добру и нравственной чистоте. Нынешнее время ждёт от писателей книг развлекательного характера, а не серьёзных содержательных томов, требующих основательной духовной работы: «Сами сибиряки должны почувствовать рождение своей единственной культуры, словно впервые «ощупать» себя и назвать на карте мира, как Адам в райском саду: это мы!» Эти слова о всей России, которой прирастать Сибирью. Пора перестать разглядывать «книги «европейскими» глазами – зачем такие толстые, зачем такие тяжёлые («не прочитаешь перед сном»). Пора взглянуть на себя азиатскими глазами Сибири! Курбатов сетует, что до сих пор «язык у нас только европейский», он сам искал, стараясь дать пример такого русско-сибирского слова, вокруг которого можно собраться всем вместе. В ежегодных пасхальных своих поздравлениях он замечательно вплетал церковнославянские речения, побеждающие смерть. Тут Курбатов уже не литератор, а поэт, и стоит перечитать в его дружеских письмах все слова, рождённые празднованием Пасхи. Воистину «Свете тихий», гимн русскому языку, в котором и молитва, и поэзия слились воедино.

Валентин Яковлевич придавал первоочередное, государственное значение писательскому слову. В языке раскрывается душа человека и обретает крылья ранее, чем в его поступках. Слово расцветивает и озаряет собой пространство для действий. Он и сам был рождён для беседы, для сердечного общения с людьми и горевал, что речь наша заражена бациллой «европеизма», сетовал, что первопроходцы слова не ценятся по достоинству ни обществом, жаждущим развлечений, ни правительством, что занято делом, а не словом, которое вначале освещает дела. Он понимал, что не единым словом Русь жива, но единством слова и дела. Достаточно вспомнить, как трепетно он относился к творчеству Валентина Распутина, ценя его за чистоту и силу русского языка и за благородное дело сохранения «священного Байкала». И в свои восемьдесят лет в одном из писем Елфимову он с горечью говорил: «Нам опять чего-то (кроме нас самих) помешает на пути устроения души».

В одном из писем Курбатов поразился стихам поэта и тут же поделился своей радостью, приведя целиком целую поэму на историческую тему – «Колокола». Это стихи нашей современницы родом с Алтая, но эмигрировавшей в Штаты. Валентин Яковлевич чувствовал, что на чужбине её захлестнёт мелкотемье, бесконечные разборки с самой собой, и он с отчаянной горечью подытожил: «Дура, что она там с таким даром делает?» Легковесность слова его печалила, он искал плотного раскованного стиля и нашёл его в эпистолярном жанре, но и в нём было тесно. В одном из писем Курбатов с юмором признаётся: «Хочется сказать что-нибудь такое, что на телевиденье передаётся как «пи-пи-пи...». А скажу: пи-пи-пи! Пусть знают!»

Вот письма и прочитаны, но сразу же возникает желание перечитать избранные места. И перечитываю их, не в силах оторваться от живого горения его

говорения, чтобы ещё немного погреться в добром пламени языка Валентина Курбатова. А статьи второй части, адресованные изданиям Фонда, по большей части известны российскому читателю, хотя сочетаниями с письмами, в переключке с ними, становятся более глубокими, как бы раскрывающими свою силу. Так в статье-завещании «Прирастать Россией» Курбатов разъясняет то, что в письмах дано лишь сквозным пунктиром: не прячьтесь, поэты, за исторических героев, они уже всё сказали и сделали, но не отказывайтесь от достойных примеров людей, от выдающихся личностей нашего Отечества: «В истории есть опасность... её не продолжают, потому что вполне утоляются сознанием минувшего величия». Только не надо стилизовать свой язык под старину, не приукрашать её в угоду современности, а следовать лучшим сибирским писателям и поэтам (Распутин, Шукшин, Марков), которые «вернули нам утраченный простор и волю, то великое русское, по которому мы все родня». Вот так глубоко вспахивал землю, касаясь лемехом материка, Валентин Яковлевич Курбатов. Светлая память его имени!

ВИКТОР ПЕТРОВ